

Татьяна Трубникова

Чужой Дом

Татьяна Трубникова

Чужой Дом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41259294

ISBN 9785449637994

Аннотация

Какой злой рок исковеркал ее судьбу? Невидимой и всевластной рукой поставил клеймо: «чужое». Клеймо, которое она несла через всю жизнь... Одна ли она? А мы все мы не несем ли то же клеймо по сей час? «Чужой Дом» – на основе собранных материалов об усадьбе «Ивановское» в Подольске. Судьба главной героини Вари – реальна, просто записана со слов. Выдумка есть, разумеется. В этом доме жили Толстые, Закревские, Бахрушины. До 1917 года...

Чужой Дом

Татьяна Трубникова

Иллюстратор Татьяна Трубникова

© Татьяна Трубникова, 2019

© Татьяна Трубникова, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4496-3799-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Это сейчас он называется музей-усадьба «Александровское». А когда-то, в году страшного детства, двадцать седьмом, он был ее домом.

Понимала ли Варя, что через этот чужой Дом пришла к ней ее судьба?

Это он перечеркнул всю ее жизнь, поставил клеймо: «*чужое*».

Уже незадолго до смерти, в далеком от той поры 2003-м году, она все равно гордилась, что жила в Доме. Отец часто говорил, прививая ей пролетарское сознание: «Правильно это, что отобрали все у буржуев. Вот и мы в их доме живем». И Варя гордилась.

Даже спустя годы забыть не могла, всем рассказывала, где прошло ее детство. Всем, кто хотел ее слушать. Желающих было мало. В старости она уже страдала склерозом и по многу раз пересказывала то, что сказала только что. Другие старушки-соседки давно уже шарахались от нее. Надоела. Да и слишком тяжела ее судьба, чтобы выслушать ее хотя бы однажды. Она часто повторяет: «Слава Богу, сама пока жива». Хотя при обстоятельствах ее жизни это скорее проклятие, чем благодать.

Если бы не глаза, она – самая обыкновенная старушка: длинный байковый халат-балахон, тапки, запорошенные летней пылью, платок на голове. Беззубый рот. Беспорядочные седые с прочернью, как соль с перцем, волосы. Шаркающая походка. Бабка, как бабка. Только если в глаза не смотреть. Есть в них что-то, от чего мороз по коже. Жесткие. Нечеловеческое в них что-то. Взгляд не расслабленный, мутный, старческий, а острый. Что совершенно не вяжется с остальной ее внешностью.

Ни старая, ни молодая, Варя не видела связи между своей судьбой и Чужим Домом. Она вспоминала Вахрушинское имение, как единственное большое, что было в ее жизни...

Началась жизнь Вари вполне счастливо. В глухой сибирской деревушке «Добрая». Деревня была, как остров – со всех сторон окружена речками. Подойти к ней можно было только с одного края. Потому, видать, место это и выбра-

ли для поселения старoverы. Отца Вари звали Кондратом, мать – Ульяной. Кондрат был не свой, пришлый. Старoverы вообще-то никого к себе чужого не брали, но Кондрат сказал, что он свой. И крестился, как они. И все обряды знал. Ну, ему и поверили. Сильно против ее замужества была мать Ульяны. Она говорила: «Не ходи ты за него. Голь он перекатная. Все мается, мается, в одно место вжиться не может... Неладный он». Но отец сказал: «Хочет – пусть идет».

Жили просто, все потребное добывая в природе или создавая своими руками. Ульяна чистюля была. Все дома натрет, начистит песком и битым кирпичом, наволочки накрахмалит.

Простые вещи, попавшие сюда из «мира» казались чем-то сверхъестественным. Например, бинты, йод. Из «мира» Ульяна принесла кое-какие навыки по медицине, доставшиеся ей от ее отца, фельдшера. Она и лечила всю деревню. Отец стар уже был. Перестирывала бинты много раз, потом утюжила утюгом, вспоминая мудреные слова отца «асептика и антисептика». Люди жили охотой и землешеством. Что вырастил, то и съел. Лес, конечно, много чего еще даровал. Однажды, будучи совсем еще маленькой шестилетней девочкой, Варя, собирая малину в лесу, наткнулась на медведя, который занимался тем же. Ну, и диранула прям через кусты... Случаи разные были. Бинты надобились Ульяне ча-стенъко.

Хозяйство у Кондрата было как у всех: и куры, и гуси,

и козы, две коровы, лошади. А уж кошек! Они всегда приносили хозяевам мышей с надкушенными шеями. Клали в кучу. Оправдывали свое существование. И вот однажды Варя решила поиграть во врача. Взяла мамины бинты, йод, травы. Смазала мышам ранки, забинтовала горлышки... Ох, и влетело ей от матери. Она ж эти бинты кипятила, чтобы людям помогать! Поостыв, Ульяна Варю пожалела, приголубила: девчонка ж вылечить мышей хотела... Да и поняла все, устыдилась. Хорошая у нее дочурка растет, добрая.

Мылись так: когда печка поостынет, выстилали ее внутри соломой. Потому что внутри она черная, закопченная. Печь огромная, но в полный рост все равно не встанешь. Мылись согнувшись.

И еще из ранних Вариных воспоминаний было: котят в их доме обычно топили. Отец, Кондрат топил. Но однажды что-то замешкался. Подросли они чуть-чуть. Варя ужас как хотела, чтобы они были белыми. Они же, как назло, все черные уродились. Вот Варя и вываляла котят в муке, которую, кстати, тоже сами и делали. И положила на накрахмаленные наволочки. Сказала маме:

– Теперь у меня есть белые котята!

– Где они?! – ахнула Ульяна.

Однажды Варя спросила у матери, отчего цыплята вылупляются. Ульяна ответила, что курица их пузом греет. Варя украли у несущки несколько яиц и положила их в дедовы валенки. Да на печку. И стала ждать. Когда цыплята будут.

Но случилось так, что у деда разыгрался ревматизм. Он возьми в валенки ноги-то и поставь! Было же Варе за ту яичницу! В общем, счастливое у нее было детство. Только сама она почему-то совсем не вспоминала его таковым. Вспоминала только Вахрушинский дом...

Наступила зима. И вот именно тут-то Кондрат решил: ехать отсюда надо. Мать Ульяны очень убивалась, когда узнала. Провожала. Плакала.

«Говорила – не ходи за него!».

Отец провожать не стал. В последний момент молча уложил в корзину травы, бинты, редкие здесь порошки и ушел из дома – лечить Степку, занемогшего лихорадкой после того, как в лесу ноги обморозил. Ульяна ехать не хотела, но – муж сказал... Сердцем чуяла, что мать больше не увидит... Варя мало что понимала, почему мать плачет, почему у бабушки руки дрожат. Ей нравилась мысль, что они куда-то отправятся. Дальше леса она ведь ничего не видела.

...Долго скитались они. Узнали, что царя нет. Ульяна никак не могла в толк взять: а кто ж тогда есть? Они часто голодали. Даже не часто, а постоянно. Ни разу после того, как покинула родной край, Ульяна не была по-настоящему сыта. Кондрат подрабатывал то здесь, то там. Платили в основном едой. Но не больно-то. Ульяна себе во всем отказывала, отдавая лучшие кусочки Варе. Сильно исхудала. Кондрат же сам себя не забывал.

Спустя два года пришли они в город недалеко от Москвы. Город Издольск. Мелкий грязный городишко на тракте в Москву. Два дня Ульяна с Варей жили в здании только что отстроенного железнодорожного вокзала. Все это время Кондрат где-то пропадал. Сказал: «Я по делам». И скрылся. Ульяна уж думала, что бросил он их, как обузу. Но через два дня явился. Важный, как золотой червонец.

– В хоромах жить будем, – так и сказал. – Со мной не пропадешь!

Ульяна подумала, насколько было бы лучше, если бы они вовсе не покидали родного дома, где в лесах много дичи, а в реках никто не запрещает ловить рыбу, но промолчала.

Снова была зима. Вьюжная, холодная. Ульяна совсем позносила свою одежду. Варе повезло больше. Добрые люди отдали ей то, что осталось от их умершей дочери. До «хором» добирались пешком. Верст шесть от вокзала. Ульяна вконец замерзла. Вечерело. Сквозь надвигающийся сумрак и порывы ветра, кружащего колючий снег, застывшего глаза, они смутно различили очертания старинной усадьбы. Была она вся темная, только в двух-трех местах теплились огоньки. Свечи. Да высились беломраморные колонны по обеим сторонам входа. Открыли тяжелую скрипучую дверь. Их встретил еще больший сумрак, чем на улице. Спустя полминуты выполз им навстречу какой-то старичок. Сел за стол. Кондрат важно выложил перед ним какую-то бумажку. Старичок приладил на носу старорежимное пенсне и углубился

в чтение этого документа. Убрал его в стол, запер. Звякнули ключи. Старичок повел их куда-то темными коридорами. То вверх, то вниз. Усадьба казалась мертвой. Открылась высокая дверь, и семья Кондрата оказалась в огромной когда-то зале, перегороженной хлипкими переборками. Таким образом, здесь было устроено двенадцать комнат. Узкий коридорчик между комнатами упирался в какое-то странное сооружение: углубление в стене с полочкой. Много позже Варя узнала, что оно называется камин. Тогда в темноте она не заметила, но точно такой же камин был и на противоположной стороне зала...

...Кружится девочка в вальсе. Порхают кружева на летающих тоненьких ручках. Она совершенно одна. Музыки нет. Но мелодия звучит в ее ушах. Ее любимый вальс Ланнера. Та же самая зала. Только без переборок. Весело падают косые солнечные лучи на узорчатый паркет. Танец девочки легок, как полет птички. Зала огромная. Девочка кружится, кружится... Роспись на потолке тоже кружится в вальсе. По четырем сторонам двуглавые орлы, в центре – группа знатных господ под ивами, а над ними – облака, уходящие вверх, создающие ощущение купола на прямом потолке...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.